

Четыре угла

Угол первый. "Я к вам пишу — чего же боле?"

От редакции. Первые четыре номера нашего альманаха (год рождения — 2000) открывались небольшими, но удивительно емкими замечательными очерками известного краеведа Ростислава Александрова о четырех углах двух легендарных одесских улиц, Дерибасовской и Ришельевской. Эти первые номера альманаха спустя 10 лет стали библиографической редкостью, и мы вновь публикуем эти материалы для новых читателей.

Улицы — элемент городской структуры. И подобно тому, как каждая клеточка организма содержит его генетический код, каждая улица в своей истории содержит нечто специфичное для города, коему она принадлежит. На перекрестках двух улиц их история, резонируя, создает "мемориальное поле" такой напряженности, что, только ступи сюда, как оно пронзит тебя, генерируя в памяти не только давно забытое, но, казалось, никогда не ведомое.

И если это относится к каждому перекрестку, то что уже говорить о таком, как Дерибасовская угол Ришельевской... Здесь отдает негромкой прелестью Пушкинской, изяществом Ланжероновской, искрометностью Дерибасовской, респектабельностью Ришельевской, а вокруг "годовыми кольцами" отложилась веселая, печальная, мудрая, бестолковая, трагичная, счастливая и неповторимая двухсотлетняя история прекрасного города. Доказать это можно только рассказами о каждом доме на Дерибасовской угол Ришельевской и самим содержанием альманаха "Дерибасовская — Ришельевская", дай ему Бог, как говорили в Одессе, "здоровья, счастья и немножко деньгами".

Александр Сергеевич Пушкин пробыл в Одессе тринадцать месяцев, но освятил своим именем не только эпоху в жизни города, но историю отдельных улиц и даже домов. Более того, не будучи связанными с воспоминаниями о поэте, некоторые из них и вовсе не привлекли бы внимание краеведов. Примером — дом на Дерибасовской, 10, он же на Ришельевской, 3, потому что располагается аккурат на этом знаменитом углу. При Пушкине здесь был самый большой дом тогдашней Одессы, занимавший квартал Ришельевской от Ланжероновской до Дерибасовской и по ней еще протянувшийся на изрядное расстояние. Этот дом построил командующий сухопутными войсками в крае генерал-поручик князь Г. Волконский, второй после де Рибаса человек в новорож-

денном городе. Он получил разрешение на строительство за несколько дней до 22 августа 1794 года — официальной даты основания Одессы, и, скорее всего, в этот день состоялась церемония закладки дома. И можно представить, как де Рибас поднял фужер с искрящимся под южным солнцем шампанским, обвел собравшихся озорным сияющим взглядом — знай, мол, наших! — осушил его, грохнул о рыжую глинистую землю Хаджибея, к которой только что прикоснулась лопата строителя, и его примеру последовал князь. А двести один год спустя при раскопках на этом памятном месте писатель Олег Губарь и археолог Андрей Добролюбский обнаружили в закладной нише под фундаментом дома... два разбитых фужера.

От Волконского дом перешел к консулу Французской республики в Одессе неогонианту Жану Рено, который несколько перестроил его и разместил весьма потребные молодому городу заведения. На углу Ланжероновской появилось казино, удостоившееся чести попасть в "одесскую главу" "Евгения Онегина" —

Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino...

Помимо этого, как приличествовало набиравшему торговую мощь портовому городу, разместилась здесь "Биржевая зала", которую, кроме основного назначения, использовали для устройства балов — новогодних, "маскерадных" и прочих, коих давали не менее шести раз на месяц, да демонстрации различных диковин вроде "собраний живых змей блистательной красоты". А поближе к Дерibasовской, на втором этаже дома, была гостиница, в "четырнадцатом номере" которой прошло большинство одесских дней Пушкина, и изящной его скорописью ложились на бумагу строфы "Евгения Онегина", в том числе неповторимое "Я к вам пишу — чего же боле?". И в этом же доме Пушкин бражничал с друзьями, вольготно расположившись в ресторации у Цезаря Отона, коему выпала счастливая судьба остаться в "одесской главе" "Евгения Онегина":

Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном.

До середины 1830-х годов гостиница в доме Рено была самой престижной и благоустроенной, в которой, не в пример другим, имелась даже "публичная баня, заведение столь же приятное, сколько и полезное...", где "можно будет принимать во всякое время от утра до вечера теплые и прохладные бани в пресной или морской воде...". Похоже, это были первые

морские ванны, ставшие потом той специфичной черточкой Одессы, о которой Илья Ильф написал, что "когда все в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом...". В Одессе еще не все разрушилось, но общедоступные морские ванны, подобные тем, что были на 10-й станции Большого Фонтана, уже обернулись не всем доступным воспоминанием.

В разные годы в доме Рено размещался "прокат маскерадных костюмов" Куртмановского, магазин "галантного товара" Герана — фарфор, лампы, рамы, искусственные цветы; винный погреб Виноградова с продажей разнообразных добрых и дешевых вин — один из предков впоследствии типичных для Одессы, разбросанных по всему городу заведений, еще памятных землякам моего возраста и пристрастий.

А когда на месте дома Рено построили принадлежавшее старинному одесскому купцу Стиффелю новое здание, винный погреб уступил место фешенебельному "магазину иностранных вин", а хозяин купно с братом перевели сюда свой Торговый дом, вошедший в историю коммерческой Одессы. В художественной же истории города остался квартировавший в доме Стиффеля карикатурист итальянец Треско, который создал целую галерею портретов своих современников потому, что, по словам летописца старой Одессы Александра де Рибаса, отличался тем, что "после посещения светских вечеров он все свои впечатления рассказывал друзьям в рисунках". В числе обитателей дома Стиффеля пребывал и присяжный поверенный с привлекательной или, наоборот, отпугивающей подзащитных и обвиняемых фамилией Шухер.

Исай Шухер сохранял верность "Дерибасовской угол Ришельевской" много десятилетий, только, как говорится, "без шухера" покидал его на то время, пока на месте дома Стиффеля возводил донныне стоящий respectable четырехэтажный с мансардой и массивным эркером дом страхового общества "Россия". Под стать дому это было солидное предприятие с центром в Петербурге и наличным капиталом около 100 миллионов "тех" рублей, которое никогда не горело в прямом да переносном смысле и осуществляло страхование жизни, транспортных средств, движимого, равно как недвижимого имущества, и даже "стекол и зеркал от излома и разбития". Одесское отделение общества занимало в своем доме несколько помещений, а остальные сдавало в аренду. И потому здесь можно было раскошелиться на ювелирные изделия из золота и серебра, обзавестись шляпой, приобрести рояль, заказать новую одежду, получить для проката копию фильма в представительстве всемирно известной фран-

цузской компании "Пате", опосля же всех забот отвести душу в уютном ресторане "Бавария" Товарищества одесских пивоваренных заводов, а в 1918 году и взгрустнуть в театре "Гротеск" под "печальные песенки Пьеро" в авторском исполнении Александра Николаевича Вертинского... Здесь жили купцы и сыновья купцов, дантисты, врачи, акушерки, массажистки, консул датского королевства Георгий Рафалович, журналист "Одесских новостей" Исидор Бродовский, художник Иосиф Шклявер, архитектор Моисей Замечек...

Все они уже давно в ином мире. От дома Стиффеля сохранилась разве что верхушка утраченных ворот с вплетенной в чугунное кружево латинской буквой "S", здание, принадлежавшее страховому обществу, после капитального ремонта пока в сносном состоянии. И если спроецировать на него канувший в небытие дом Рено, то окно пушкинского "четырнадцатого номера" окажется как раз над нынешней театральной кассой, где можно купить билет и, пройдя квартал, насладиться "Евгением Онегиным". А потом возвратиться сюда и в ясный летний вечер увидеть, услышать, почувствовать и прочувствовать то, что осталось тут с пушкинской поры:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...

Правда, уже не слышно здесь, как "море Черное шумит". Но это не самое худшее. Что-то же должно было измениться...

